

ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

**«ПОКА БУДЕТ ВСЕЛЕННАЯ,
БУДУТ И СТИХИ»**

*Я хотел бы, как молния, росчерком светлым
Проблистать над толпой облаков.*

Микаил Мушфиг

У каждой эпохи – свои гении, – люди, которым свыше дано гораздо больше, чем всем остальным, которые способны мыслить, создавать и создавать то, что неподвластно другим. Окружающие реагируют на их талант, на то, с какой легкостью им дается то, что иной не сможет создать даже ценой невероятных усилий, по-разному: кто-то искренне восхищается ими и их творениями, кто-то завидует черной завистью. И последнее порой губит, физически уничтожает тех, кого Господь послал в этот мир для того, чтобы они несли людям свет, одаривали их прекрасным. Но... «Людей бессмертные творенья живут с людьми из века в век. И разве

смертен человек, что знал минуты вдохновенья?»... (Е.К.)

Эти мысли посетили меня, когда я размышляла над судьбой Поэта – здесь это слово должно писаться только с заглавной буквы – Микаила Мушфига, одного из самых видных представителей азербайджанского народа, чья жизнь оборвалась так рано и так трагично... Наверное, большой талант никому не дается просто так – за все нужно платить. Жизнь Микаила Мушфига с самого детства складывалась непросто – на его долю выпало немало испытаний.

...5 июня 1908 года в Баку, в семье Абдулкадыра Исмаилзаде, родом из Хызы, родился мальчик, которого назвали Микаилом. И кто знал тогда, что в этот мир пришел большой поэт.

Воспитывал его отец – мать мальчика скончалась, когда Микаилу было всего шесть месяцев от роду. И отец, и дед его были грамотными людьми. Отец мальчика, Мирза Абдулкадыр, будучи прогрессивным человеком, стремившимся претворять передовые идеи того времени в жизнь, понимал, что обучение в моллаханах не отвечает требованиям времени. И он открыл в нагорной части Баку школу, в которой применялись новые методы преподавания. Придавая огромное значение грамотности населения и стремясь охватить обучением как можно больше людей, он организовал работу школы таким образом, что днем здесь училась молодежь, а по вечерам постигали грамоту взрослые и даже пожилые люди. Интересный факт: одним из учеников этой школы был будущий писатель-драматург Джафар Джаббарлы. Следует отметить, что обучение в те годы было платным, что заметно ограничивало круг тех, кто имел возможность получить образование. Поэтому Абдулкадыр Исмаилзаде не брал в своей школе плату с бедных. Конечно же, большое внимание он уделял обучению собственных детей. Однако образованием самого младшего – Микаила – ему заняться не довелось: в возрасте 46 лет он ушел из жизни. Микаилу тогда исполнилось всего шесть лет. Таким образом, беды в жизни будущего поэта начались уже тогда – в очень раннем возрасте он потерял обоих родителей, стал круг-

лым сиротой.

Заботу о сиротах – Микаиле, его сестрах Беюкханым и Баладжаханым и брате Мирзе – взяли на себя их бабушка и дядя по матери, которого звали Джавад. У него и его жены Гюллюханым не было своих детей, и о сиротах, которых они опекали, они заботились, как о родных. Но все же родственники не могли заменить сиротам их родителей. Микаил с детства испытывал тоску по матери – эту тоску он выразит потом в своих стихотворных строчках.

Когда мальчику исполнилось 7 лет, его отдали учиться в моллахану, однако вскоре его пришлось оттуда забрать. В первый же день, придя домой, он стал высмеивать своего учителя-моллу и его манеру обучения. Преподавание в моллахане мальчику не нравилось так же, как и его отцу, которого он потерял так рано. Напуганная его отзывами о моллахане бабушка увещевала его: «Дитя мое, ты же сирота, не создавай проблем ни себе, ни нам».

Все же мальчика пришлось забрать из моллаханы. Его отправили в русско-татарскую школу, где он получил начальное образование, после чего поступил в школу Бадала Бадалбейли.

Учился Микаил хорошо, с радостью откликался на просьбы товарищей помочь им в учебе. Он был остроумен, приветлив, не заносчив. Его любили и учителя, и ученики. А еще – он писал стихи! И друзья легко заучивали их и с удовольствием декламировали.

Завершив обучение в школе Бадалбейли, Микаил поступил в Высшую педагогическую школу (ныне Азербайджанский государственный педагогический университет).

Активно писать и публиковаться он начал с 1926 года – его первое стихотворение было напечатано в газете «Гяндж ишчи», – юному поэту тогда исполнилось 18 лет, – и уже через год обрел известность, как талантливый поэт. Вскоре – в 1930-м году – вышла в свет его первая книга – «Кюлякляр» («Ветры»). В течение последующих лет жизни у Микаила Мушфига (Мушфиг – «Очарованный» – творческий псевдоним поэта) выйдет еще 9 поэтических сборников. А жить ему оставалось всего лишь восемь лет... И все же он успеет внести неоценимый вклад в создание национальной лирики нового типа.

Мушфиг был очень искренен в своих стихах, повествуя в них о том, что его окружало, волновало, восхищало или тревожило, расстраивало, и это делало его поэзию весьма актуальной, причем не только для своего времени, а и на все времена – что присуще лишь по-настоящему большим поэтам. Он писал о нефтяниках и колхозниках, о новом социалистическом мироощущении народа и о своих личных чувствах. Это был поэт с горячей душой и чистым сердцем. Его поэзии свойственны как высокая гражданственность, так и романтизм, причем одно совсем не противоречит другому.

Гражданственность присутствует даже в его стихах о любви. По мнению Мушфига, любовь вне труда, любовь, изолированная от общества, не приносит радости.

В будущее Мушфиг смотрел с большим оптимизмом, верил в прекрасное будущее своего народа. Он любил жизнь, любил людей, восхищается новыми реалиями в жизни своей страны.

Он твердо верил в свое предназначение – быть Поэтом, поэтическим словом будить в сердцах лучшие чувства: веры в светлое будущее, любви, гордости за свою родину. Он считал, что поэзия необходима людям, и она пребудет всегда: «Пока будет Вселенная, будут и стихи», – писал он.

У него был свой, особый поэтический почерк. Даже среди сотен стихотворений других авторов всегда можно безошибочно узнать его стихи. Его стихам присущи неповторимость интонации и построения стиха, они самобытны, пропитаны особым, «мушфиговским» духом. Искренность и эмоциональность – вот, наверное, главные качества, делающие стихи Мушфига столь притягательными.

Вот его вдохновенные строки, в которых так много присущих ему силы и мощи:

*Так гремите, ветра, чтоб и стих грохотал,
Вдохновения вал чтоб не стих, грохотал,
Чтобы молнии меч в темноте полыхал.
Вольным духом меня опалили ветра!
На вершины маня, напоили ветра!*

Или вот такие его замечательные строки:

*Я не облако в небе, гонимое ветром!
Нет, мой жребий земной и мой путь не таков:
Я хотел бы, как молния, росчерком светлым
Проблистать над толпой облаков.*

В его поэзию невозможно не влюбиться. «Кто хоть один раз прочел его стихи, потом будет зачитываться ими всегда», – с этими словами старшего научного сотрудника Института литературы имени Низами, кандидата филологических наук Сафуры Гулиевой, занимающейся исследованием творчества поэта, невозможно не согласиться.

Итак, 1930-й год. Вышла в свет первая книга Мушфига. Он стал известным поэтом. Его любят, его читают. Он сам с большим успехом выступает со своими стихами перед широкой аудиторией. Его поэзию принимают «на ура». В его жизни наступает светлая полоса. Вскоре он встретит любовь всей своей жизни, свою судьбу.

Это было в 1931 году. Он как раз окончил университет. На церемонию выпуска с товарищем Мушфига по школе Фарамушем придет его родственница – студентка педагогического техникума красавица Дильбяр Ахундзаде. Их познакомят. Имя поэта Дильбяр слышала до этого много раз – от своего дяди Идриса Ахундзаде и от гостивших у него знаменитых поэтов: Гусейна Джавида, Ахмеда Джавада, Абдуллы Шаига и других. Тем интереснее ей было познакомиться с ним лично. Их знакомство переросло в огромную любовь. В этот период Мушфиг много пишет о любви – своей любви к Дильбер. Вскоре состоится их свадьба, на которой в числе гостей будут со своими супругами известные поэты и писатели: Гусейн Джавид, Абдулла Шаиг, Ахмед Джавад, Самед Вургун, Сулейман Рустам, Мир Джалал, Расул Рза, Мамед Рагим. После свадьбы молодожены поселятся в арендованном Мушфигом на улице Чадровой (ныне ул. Мирзааги Алиева) маленьком домике... Жили они счастливо, хотя и небогато.

Мушфиг преподавал в школе №18, одновременно работая редактором в «Азернешре». И – продолжал писать. Помимо стихов, он пишет и поэмы («Среди буровых», «Гая», «Мой друг», «Дядя Джаби», «Пастух»). Хорошо выстроенный сюжет, драматизм событий, полнота характеров, естественность диалогов – вот что составляет главное достоинство этих произведений поэта. Большое место в его творческой жизни занимает и переводческая деятельность. Он переводил на родной язык образцы мировой поэзии, постигая сам и давая возможность постичь другим богатство и мудрость, содержащиеся в произведениях таких классиков, как Лермонтов, Шевченко и другие. Критика к нему в те годы благосклонна. «Мушфиг – очень талантливый и плодотворный поэт среди наших молодых писателей», – писал в 1930-м году М.Рафили. «Молодой поэт Микаил Мушфиг отличается огромной художественной энергией и способностями», – так отзывался о поэте в 1935 году Али Назим. Он же, выступая на страницах «Литературной газеты» в марте 1936 года, напишет о Микаиле Мушфиге: «...в последнее время он создал очень большие по значимости произведения».

Следует отметить, что при всей своей «советскости» Мушфиг был поэтом глубоко национальным. Вот что говорил о нем народный поэт Сулейман Рустам: «Микаил глубоко изучил произведения наших классиков – Физули, Насими, Вагифа, Сеида Азима и Сабира. Он также хорошо усвоил основы классического стихосложения – аруза, безусловно владел им. Но он искал новые формы и выражения. Мушфиг в своих исканиях обращался не только к классике, но и к животворному источнику народной поэзии, нашей богатейшей сокровищнице. Он знал наизусть сотни четверостиший-баяты и песен-гошма, сложенных прославленными и безымянными певцами-ашугами». Мушфиг щедро черпал вдохновение из неиссякаемого родника устного народного творчества, учился на лучших традициях азербайджанской классической литературы, продолжал и развивал эти традиции в новых условиях. Нигяр-ханым Рафибейли говорила о нем и его творчестве: «Мушфиг был подобен археологу, очень осторожно орудовавшему киркой, чтобы обнаружить под наслоениями следы нашей древней культуры. Как добросовестный ученый и исследователь, обнаруживающий жемчужины – слова поэтов минувших веков, проявляющий глубокий интерес и неподдельную любовь к таким прекрасным, не знающим себе равных образцам лирики, как газели, гошма, баяты, он стряхивал пыль забвения с этих поэ-

тов. Впервые стихи и газели Бахара Ширвани, Бихуда, Насеха и многих других забытых и полузабытых азербайджанских поэтов я услышала из уст Мушфига».

Мушфиг знал и любил национальную музыку, которую невозможно представить себе без национальных музыкальных инструментов – тара, кяманчи, нагары. Он и сам в свободное время любил играть на таре и петь. Как это ни абсурдно, национальные музыкальные инструменты попали в опалу у новых хозяев жизни. Мушфиг не мог не выступить в их защиту. Он написал стихотворение «Тар» – это была резкая отповедь тем, кто стремился принизить значение национальных музыкальных инструментов.

*Звени, тар,
Звени, тар,
Напой мне простую и добрую песню.
Столетия ты людям поешь, а не стар,
И нет твоей песни нежней и чудесней.
Звени, тар,
Звени, тар,
Звени, тонкострунный,
Звени, вечно юный ...
Творенье народа – твой вещий напев,
В нем горе народное, радость и гнев.*

Стихотворение вызвало живой отклик у читателей. Оно сразу же стало очень популярным в народе. Впервые это стихотворение Мушфиг прочел в Доме просвещения, где собралось несколько сот человек. «Все мы и весь зал, словно почувствовав себя во власти могучей, неодолимой волны, восторженно приветствовали Мушфига. Как факел он распространил с трибуны во все четыре стороны тепло и свет», – так писал об этом событии известный азербайджанский писатель Мирза Ибрагимов. Очень высоко оценил это стихотворение знаменитый азербайджанский тарист Гурбан Примов, с которым Мушфиг был дружен, и кому он одному из первых прочел свой «Тар».

Таким образом, с творческой точки зрения первая половина 30-х годов была для Микаила Мушфига вполне благополучна и успешна. Помимо современной идеи – темы его стихов, были новыми и эмоциональное сопровождение этих идей, и художественная форма, и поэтические образы. Но белая полоса в жизни поэта вновь сменилась черной. В 1935 году умер их с Дильбер двухмесячный сын Ялчын. Мушфиг очень тяжело переживал это печальное событие.

Изменила свое отношение к нему и литературная критика. Вспомнили о его принадлежности к аристократическому сословию, в его адрес зазвучали эпитеты «мелкий буржуазный поэт», «оппортунист». Вторая половина 30-х годов минувшего века было временем разгара сталинских репрессий. Особенно свирепствовали сталинские палачи в 1937 году. Поощрялись все желающие «разоблачить подозрительных личностей», цензура на литературные произведения все более ужесточалась. Сколько талантливых людей кануло тогда в Лету! Попал под колеса карательной машины и Мушфиг.

В это время «охоты на ведьм» в Союзе писателей без конца проводились собрания, на которых выискивались писатели-антисоветчики и контрреволюционеры. У Мушфига было немало недоброжелателей и завистников, для которых наступило время свести с ним счеты. В прессе появились резкие критические статьи о Мушфиге, порой переходящие в оскорбления. Теперь его патриотизм называли национализмом. Подвергшийся неза заслуженной клевете, чистый душой поэт сильно переживал.

Завершающим аккордом стал Пленум писателей. В адрес Мушфига было немало критических выступлений, нападкам на него не было конца. Дошло до того, что на поэта навесили ярлык контрреволюционера. Складывается впечатление, что антимушфиговская кампания была подготовлена заранее. Выступавшие на Пленуме «собратья по перу» не могли не понимать, чем все это может закончиться для поэта, но это их не остановило – кто-то ему завидовал, кто-то боялся за себя и свои семьи. Впрочем, власти и без того рассчитались бы с

Мушфигом, – слишком много претензий было у них к нему и его стихам. Чашу их терпения переполнило стихотворение Микаила Мушфига, в котором были такие строчки:

*...Но без свободы есть ли им цена?
Жизнь без нее, как ночь без звезд, черна.
Культура без свободы – пустоцвет,
Искусство без нее сойдет на нет.*

Казалось бы, что может быть в этих строчках криминального. Но в них усмотрели призыв к контрреволюции. И это четверостишие послужило одним из доказательств его «измены Родине». Еще одним «грехом» Мушфига была дружба с такими свободолюбивыми поэтами, как Гусейн Джавид и Ахмед Джавад. И власти рассчитались с ними, в ночь на 4 июня 1937 года арестовав всех троих одновременно. Мушфиг стал узником под №1109. Он был арестован поздно вечером у себя дома, где нквдэшники уже ждали поэта, возвращавшегося со встречи с читателями. «Юридическим основанием» послужил донос, в котором Мушфиг был назван членом контрреволюционной националистической организации (существует мнение, что автором доноса был его коллега, влюбленный в его красавицу-жену). В эту организацию Мушфиг будто бы был завербован в начале 1936 года, и ему было дано задание в своих стихах «воспевать идею самостоятельного Азербайджана». За это его ожидало наказание – расстрел.

Мушфиг был самым молодым из всех ушедших из жизни в годы сталинских репрессий поэтов и писателей – ему было всего неполных 30 лет. Говорят, что до самых последних часов жизни он не мог поверить, что его могут расстрелять – ведь он был ни в чем не виноват.

Военная коллегия приговорила Исмаилзаде Микаила Мушфига Абдулкадыр оглу к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 5 января 1938 года. Как и у Ахмеда Джавада, Сеида Гусейна и других, у Мушфига нет даже могилы – его расстреляли на острове Наргин и сбросили тело в Каспийское море... Вскоре после ареста Мушфига от советского режима пострадали и его старший брат Мирза, сестры Беюкханым и Баладжаханым, 16-летний двоюродный брат Юнис Даглы. Печальной оказалась судьба и супруги поэта. От нее отвернулись друзья и товарищи мужа. Все боялись общения с ней, потому что все, кто поддерживал отношения с членами семей «врагов народа», подвергались преследованию.

Вскоре Дильбер-ханым была арестована и отправлена в тюрьму. Это случилось в самом конце 1937 года. Дильбер-ханым было тогда всего 23 года.

В тюрьме у нее случился нервный срыв, пытки почти свели ее с ума, и ее пришлось выпустить на свободу. Со временем она поправилась, создала новую семью, но в ее душе и сердце всегда жил Мушфиг. Годы, прожитые с ним, Дильбер-ханым с тоской вспоминала как «весну своей жизни».

Спустя почти 20 лет, 23 мая 1956 года военная коллегия Верховного суда СССР, пересмотревшая по просьбе обратившихся в нее известных азербайджанских писателей дело Мушфига, по заключению Главного прокурора страны постановила: «Микаил Мушвиг Миркадыр оглу Исмаилзаде осужден необоснованно» и отменила приговор из-за отсутствия состава преступления. Так было восстановлено честное имя поэта, безвинно осужденного и убитого. Но это не делает слабее боль и обиду за то, что выдающийся поэт был безжалостно уничтожен – «не дожив, не дописав страниц», не увидев изданной свою 11-ю книгу, которую он готовил к печати. Впрочем, ранний уход из жизни – удел многих выдающихся талантов. Невольно вспоминаются лермонтовские строки, написанные им на смерть безвременного ушедшего из жизни Пушкина: «Погиб поэт, невольник, чести, пал, оклеветанный молвой». Да и сам Лермонтов прожил примерно столько же, что и Мушфиг...

«Поэзия – моя жизнь», – говорил о себе Микаил Мушфиг. Он торопился жить и творить, будто предчувствуя, как ему мало отпущено судьбой. Он действительно прожил недолгую жизнь. Но – какую творческую, чистую и прекрасную.

«Росчерком светлым» он пронесся по этой жизни, как когда-то и намечтал, предсказал себе...